

Дискурсы этики. 2021, 2(12): 57—72

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_2_12_57-72.pdf

УДК 17+001.18+001.2

LEHR UND LERNFREIHEIT: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Мусс А. И.

статья:

поступила в редакцию 30.09.2021

принята к публикации 23.12.2021

опубликована (онлайн) 29.12.2021

© Мусс Александр Игоревич

кандидат философских наук,

старший преподаватель Кафедры общей психологии факультета психологии СПбГУ,
Россия

адрес для корреспонденции: albertwanderer@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. В данной статье я рассматриваю связь между трудностью решения фундаментальных проблем современной философии и науки и состоянием современных наук. В этом ключе последовательно рассматриваются три проблемы: 1) проблема определения наук и их специфичности по отношению к философии и инженерному делу, 2) проблема дисциплинарных границ и междисциплинарности, а также 3) проблема влияния на науку политических, экономических и социальных факторов.

В качестве возможного решения таких проблем я предлагаю решения, сочетающие успешный опыт из истории философии и науки с оценкой актуального состояния научного познания.

Ключевые слова: проблема демаркации, Трудная проблема сознания, дисциплинарные границы, философия науки, история науки, кризис европейских наук, Средневековый университет, Гумбольдтовский университет.

Discourses of Ethics. 2021, 2(12): 57—72

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_2_12_57-72.pdf

LEHR UND LERNFREIHEIT: RETURN TO ORIGINS

Muss Alexander

received 30.09.2021

accepted 23.12.2021

published (online) 29.12.2021

© Alexander I. Muss

Candidate of Philosophical Sciences

Division of General Psychology, Department of Psychology, St.-Petersburg State University,
Russia

Correspondence to: : albertwanderer@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: In this article, I try to connect the difficulties in solving contemporary fundamental problems (e.g., the Hard problem of consciousness) with the state of the modern sciences. This view provides the following problems: 1) the problem of the definition of the sciences (as well as the problem of the estimation of their specificity to philosophy and engineering), 2) the problem of the disciplinary boundaries and interdisciplinarity, and 3) the problem of the influences of political, economic, and social factors on sciences.

As a possible solution to such problems, I propose solutions that combine successful experience from the history of philosophy and science with an assessment of the current state of scientific knowledge.

Keywords: the Problem of Demarcation, the Hard Problem of Consciousness, Disciplinary Boundaries, Philosophy of science, History of

science, Crisis of European Sciences, Medieval University, Humboldt University.

Современные научные проблемы, такие как, например, трудная проблема сознания в смысле оценки соотношения между неформализуемым субъективным опытом и формализуемыми процессами в нервной системе, создают много трудностей для современных исследователей. Причем дискуссии в отношении подобных проблем часто напоминают площадку для игр, на которой уже распределены роли, а поиск решения превращается в состязание для умов философов и ученых — т.е. конечный результат как будто бы теряется в процессе, а формулировка проблемы в виде противоречия и ее длительная история скорее ограничивают, чем помогают в ее решении.

Как подступиться к таким фундаментальным проблемам? Примыкать к одному из лагерей и вступать в дискуссию, производя новые философские аргументы и бесконечно проясняя позицию оппонента или пытаться разрабатывать свой подход? Это уже готовый набор решений, поэтому в данной статье я хотел бы для поиска возможного решения изучаемой проблемы пойти в сторону от вступления в дискуссию, но обратиться к тому самому “игровому полю”, в котором данная формулировка проблемы и данная дискуссия вокруг нее возможна. То есть, я предполагаю, что возможно, отсутствие удовлетворительных решений таких фундаментальных проблем кроется не только в их собственном содержании, но и в организации современного научного и философского познания.

По этой причине, в своем тексте я хотел бы обратиться к трем актуальным проблемам научного и философского познания, начиная с вопроса об определении науки и заканчивая вопросом о существовании научного сообщества в мире в целом, а также в Российской Федерации в частности. Причем формулировки таких проблем, исключаящие формально-логические противоречия, я хотел бы дополнить воз-

можные решения, которые, на мой взгляд, кроются не только в оценке актуальной ситуации, но и в обращении к истории и философии науки.

Проблема определения науки

Первая, среди рассматриваемых мною проблем, самая общая — это проблема определения науки и ее назначения в современном мире. В настоящее время и философ, изучающий научное познание как бы со стороны, и исследователь, для которого разработки философов науки — в том числе основа его собственного мировоззрения и профессиональной идентичности, имеют перед собой широкий спектр авторов и концепций, отвечающих на этот вопрос.

Во-первых, обращение к философии науки вскрывает проблему демаркации, рожденную в недрах философии позитивизма и постпозитивизма, когда философы, обращаясь к науке, пытались ответить на вопрос о том, что такое наука, сравнивая науку с другими похожими видами человеческой активности, выдвигая перед наукой, научными идеями и учеными определенные требования, чтобы они могли соответствовать статусу научных. При этом история идей внутри позитивистской философии науки знает несколько возможных критериев демаркации, которые поднимались в разные эпохи: так **Огюст Конт** отвергал все метафизическое, признавая за наукой исследование исключительно связей между явлениями опыта, **представители Венского кружка**, опираясь на идею о существовании протокольных высказываний (элементарные утверждения о непосредственно данном), добавляли к необходимости опытной основы научного познания (верификация) использование методов логического вывода, **Карл Поппер** в противовес верификации вводил критерий фальсифицируемости как свойство научных теорий (они должны содержать в себе суждения-фальсификаторы, истинность которых опровергает саму теорию), **Томас Кун** требовал от высокоразвитых наук наличия единой парадигмы как некоего стандарта проведения исследования, включающего и исходные теории, и методы, и образцы, **Имре Лакатос**

утверждал критерием успешности научно-исследовательской программы ее эвристическую ценность, а **Пол Фейерабенд** призывал к отказу от всех критериев демаркации по причине их принципиальной ограниченности. В этой последовательности ни один из предложенных предшественниками критериев не избежал критики последователей. Более того, стоит учитывать исторический контекст — более поздние авторы, в отличие, от более ранних, заставляли последующие изменения в функционировании и через них могли оценивать, насколько предшествующие идеи остаются актуальными.

Рассматривать все это как исследование, порождающее не абсолютные, а относительные ответы на вопрос о том, что научно, а что нет, может быть полезным для ученого для понимания сложности науки как вида человеческой активности, тогда как слепое следование любому из представителей позитивистской философии науки может мешать, в том числе, коммуникации — так исследователь-психолог, изучая психику как нечто, чему нельзя дать острого определения, будет заведомо не понят исследователем-биологом, для которого в его актуальном опыте живы еще представления логических позитивистов.

Оценивая возможности и ограничения подходов, определяющих науку, невозможно не обратить также внимание, что философские и мировоззренческие основания, на которые опираются ученые, также поддаются классификации: исследователь может опираться на **континентальную** или **аналитическую** традиции философствования, исследователь может оценивать соотношение научных теорий и действительности в ключе **реализма** и **антиреализма**. Все это, не являясь также последним и окончательным словом является лишь возможностью конкретным ученым определять свою исследовательскую позицию и сравнивать ее с позициями коллег, чтобы, в том числе, понимать, на каком уровне возможна дискуссия, и возможна ли она принципиально.

Но что из этого будет говорить нам о науке как таковой? Тем более, что ее взаимодействие с другими видами человеческой активности, та-

кими как инженерное дело и философия, а также восприятие этого взаимодействия извне также будет определять научное познание. Если мы соглашаемся с тем, что философия занимается проблематизацией и концептуализацией, “вскрывает” очевидные области в повседневности и делает их менее очевидными, а также создает для этого новые концепты, а инженерное дело, напротив, пользуется уже готовыми (с помощью философии и науки) знаниями для решения прикладных задач. В этом контексте наука, в отличие от философии, работает с уже сформулированными проблемами, но стремится к производству на базе этих проблем нового знания. С другой стороны, по сравнению с инженерным делом, наука, как уже было сказано, порождает новое знание, но делает, в том числе, на базе уже существующих знаний и методов. К сожалению, в современном мире, помнящем наследие позитивизма, отделившего философию от науки, все чаще собственные цели научного познания замещаются инженерными разработками — ориентация на краткосрочные прикладные цели, на прояснение вопросов, которые можно сразу внедрять и применять кажется экономически более выгодной и целесообразной, более того, ввиду более чем столетнего смешения задач академического и профессионального образования, о чем я напишу ниже, люди, идущие за высшим образованием, именно в решении инженерных задач, когда ожидают, скорее, готовой инструкции к действию, а не поиска и отбора решений, видят свое призвание. В этом смысле пугающе звучит призыв Ортеги-и-Гассета из второй половины XX века, призывавшего учить в вузах культуре, то есть, уже освоенному багажу человечества, причем в объемах, в которых ее реально осваивать (Ортега-и-Гассет Х., 2019).

Как же решить проблему об определении науки и ее границ? Мне кажется, в том числе, с опорой на сходство и различие между наукой и другими сферами человеческой активности. При этом, стоит, скорее, разграничивать науку и инженерное дело, видя в последнем самостоятельную область активности, которая имеет значение и вне науки. При этом главное, чтобы такие рамки не стали фундаментальным ограничением, которое мешает и ученым, и другим специалистам: то есть, об-

ращение к определению науки не должно быть универсальным правилом, но инструментом познания и решения проблем, как в случае с причинами написания этой статьи — попытке подойти к фундаментальным проблемам через изучение их академического фундамента. В этом контексте я бы предложил определение науки как обоснованного поиска нового знания, постоянно подвергающегося пересмотру.

Проблема дисциплинарных границ и междисциплинарности

Вторая проблема возникает уже внутри науки, точнее, вследствие того, что в науке присутствуют различные научные области и, более того, внутри каждой отдельной науки существует совокупность различных тем. Это приводит, в том числе, к тому, что специалисты, сформировавшиеся в рамках конкретной научной области, не являясь специалистами в области философии науки, экстраполируют свои собственные представления об организации своей научной области на науку вообще и требовать от других специалистов соответствия требованиям, которые применялись к ним самим, как, например, оценивал структурную психологию В. Вундта основатель бихевиоризма Дж. Уотсон (Watson, J.B., 1913).

Такая узкая специализация не универсальна: и в гумбольдтовском университете (van Vommel B., 2015), и в современном Оксфорде студент может выбирать из значительного списка предметов те, которые в большей степени интересуют его и могут помочь в реализации конкретного исследовательского интереса. В отношении же реализации принципа единства обучения и исследования более ста лет назад каждый такой курс был фактическим отражением конкретного исследовательского интереса и студент (выпускник гимназии, владеющий совокупностью научных методов) мог не только искать все-то, что подходило реализации его конкретного интереса, но и обращаться к тому, как уже сейчас его преподаватели — фактически, старшие коллеги, реализуют свои интересы. То есть, даже при наличии определенной

специализации, такой подход позволял и позволяет в рамках одной науки рассматривать разные вопросы и подходы в инструментальном ключе, то есть, изучать разное, чтобы применять это для реализации своих исследовательских интересов.

Важно отметить, что подобная практика, пусть порой и формально, реализуется за пределами указанных пространственно-временных границ, однако важно учитывать, что замена предметов — исследовательских курсов — предметами, которые должны читаться стереотипно и в общем виде, вряд-ли будет способствовать глубокому знакомству с темой и формированием необходимого опыта для самостоятельного использования усвоенного.

В результате, границы существуют не только вне научных областей, но и внутри отдельных областей, что в настоящее время, снижает эвристический потенциал научных разработок (если решать только практически применимые вопросы методами узких отраслей, то такой подход без прилива новых идей может быстро себя исчерпать). Более того, даже если исследователи как представители разных наук занимаются близкими вопросами, например, когда философы и психологи занимаются проблемой сознания, их представления могут быть настолько несогласованными, что даже в ситуации диалога обмен опытом не будет приводить к желаемым результатам, а рассматриваемые проблемы останутся нерешенными (Мусс А.И., 2018).

В лучшем случае, будет требоваться значительно время на установление такого диалога. Как современный тренд, все большее внимание завоевывает междисциплинарность как попытка объединить исследователей различных направлений или же воспитать исследователей, которым эти различные направления знакомы. Это выражается и в финансировании совместных проектов и публикаций, и в открытии междисциплинарных магистерских программ, которые призваны расширить дисциплинарные границы конкретного исследователя, и которые требуют от выпускников делать научные работы, в которых они совмещают несколько выбранных подходов.

Однако в таком случае каждый исследователь пытается самостоятельно установить связи между изучаемыми подходами, более того, та научная область, в рамках которой он обучался первоначально, может влиять на последующее восприятие материала. А этот вопрос требует, как минимум, соответствующих исследований.

Что можно сделать со всем этим? Во-первых, продолжать выстраивать диалог, причем не только локально в пределах одного исследователя или научной группы, но также делиться своим опытом на уровне сообщества. Для решения вопросов коммуникации могут быть полезны **профессиональные коммуникаторы: антропологи, конфликтологи, психологи, а также специалисты в области международных отношений.**

С другой стороны, **именно философы науки как ответственные в рамках узкой локализации за решение о вопросе научности/ненаучности, могут играть здесь ключевую роль**, так как их активность может продемонстрировать проблемность подобных критериев (т.е. принципиальную невозможность универсальных и окончательных критериев научности), а также препятствовать неоправданной экстраполяции норм и требований конкретной научной области на все науки.

В отношении же развития отдельных специалистов, возможно последующее возвращение к модели Средневекового университета, где один человек в определенном порядке осваивал различные науки (Реале Дж., Антисери Д., 1995) или к модели гумбольдтовского университета с его концепцией единства науки (van Vommel B., 2015). Это актуально особенно сейчас, когда такой возможный порядок освоения наук можно исследовать и обосновать.

Проблема рассмотрения науки в связи с политикой, экономикой и обществом

Третья проблема проистекает напрямую из того, что современная наука не существует в вакууме, о чем писали И. Лакатос, П. Фейерабенд, М. Фуко и Б. Латур, а оказывается как под влиянием социальных, полити-

ческих и экономических факторов, так и оказывает влияние на эти сферы человеческой жизни (в том числе, если рассматривать язык как общую для всех этих видов человеческой активности среду (Мусс А.И., 2021)).

Фактическая манифестация этой проблемы начинается со студенческой скамьи. Уже более 150 лет существует проблема смешения высшего и профессионального образования, когда в рамках государственной системы высшего образования человек идет в нее не для того, чтобы заниматься наукой, а чтобы получить профессиональные навыки для выполнения определенных обязанностей. Кроме того, помимо чисто научных и профессиональных интересов, абитуриенты могут также выбирать высшее образование из-за его статусности (Пирогов Н.И., 1863). В этой ситуации, особенно, учитывая длительность (Николай Иванович Пирогов в своей работе отмечал, что представшая перед ним картина российских высших учебных заведений того времени — проблема перенятая из “первоисточника” системы высшего образования — европейского и германского высшего образования) важно понимать, что сейчас даже преподаватели и руководители вузов рассматривают высшие учебные заведения не только и не столько как места, где готовится будущая смена научных кадров (не будем забывать здесь и о первой проблеме — проблеме определения науки). Более того, зачастую стремление научить студентов знаниям, умениям и навыкам, которые пригодятся в дальнейшем трудоустройстве становится главной целью современных вузов, а вопрос о том, куда после этого вуза, факультета или учебной программы пойдет работать данный абитуриент.

Такой подход, конечно же, обеспечивает приток ресурсов и студентов в вузы, однако массовый характер такого образования, высокая нагрузка, формальные и обширные требования, наличие обязательных общих курсов и общий отрыв образования от исследований при их формальном единстве (все студенты, даже те, кто и не думают заниматься наукой, так или иначе, защищают свои дипломы или выпускные квалификационные работы, которые рассматриваются как на-

учно-исследовательские) не способствует ни заинтересованной активности (а не вынужденной) исследователей, ни созреванию профессиональной и заинтересованной в развитии смены.

Также не стоит забывать о том, что стимуляция исследовательского интереса через финансирование имеет и обратный результат — отсутствие вознаграждения за труды неминуемо будет сокращать объем многих научных тем. А кто принимает в этой сфере решения?

Здесь нельзя не обратиться к другой проблеме, которая также была отмечена Пироговым — проблему наличия профессионального научного сообщества. Еще тогда, через 149 лет после основания Санкт-Петербургской Академии наук, Николай Иванович констатировал, что профессионального академического сообщества в нашей стране нет — ученые не готовы отстаивать свои взгляды, ценности и права перед другими социальными институтами и государством (Пирогов Н.И., 1863). Стоит ли надеяться на то, что такое сообщество будет сформировано в ближайшее время, если Октябрьская революция тогда еще не окрепшие побегии профессионального сообщества, впоследствии создала новое, которое также не прошли стороной изменения, связанные с распадом СССР? Вряд ли, учитывая, например, те ситуации, когда представители высшего учебного заведения, попавшие в трудную ситуацию, не обращаются за помощью к коллегам, а говорят о том, что закрывают единственное место, где занимались наукой. Или вспоминая о том, как определенные ученые и научные коллективы, не являясь специалистами в области философии науки, настаивают на ненаучности целых научных областей. Профессиональное сообщество в таких ситуациях, как мне кажется, должно действовать, скорее, ориентируясь на интересы всех коллег-ученых, а не на сиюминутные выгоды или локальные конфликты.

Для решения этой проблемы, для адекватного взаимодействия науки как социального института с другими подобными структурами, нужно, прежде всего, настоящее профессиональное сообщество, настроенное на взаимную поддержку, реализацию и защиту интересов входящих в это сообщество специалистов. В этом отношении также

стоит обратить внимание как на опыт гумбольдтовской системы, в которой даже политики были ограничены в своем влиянии на науку, а также на опыт Средневековых университетов, когда их организация была схожа с ремесленными цехами.

И ни в коем случае не забывать про постоянную смену, что требует более внимательного отношения к системе высшего образования, а также ее ориентации, в первую очередь, на нужды науки и научного сообщества, чтобы в вузы приходили люди, желающие заниматься наукой, и чтобы по выпуску у них была возможность как продолжать дела своих учителей, так и развивать свои собственные научные исследования.

Заключение

Действительно, современное состояние наук в нашей стране и в мире, общая неопределенность и поиск готовых решений вкупе со сложностями диалога между различными учеными, учеными и философами, учеными и инженерами, учеными и администраторами могут служить не только факторами, влияющими на науку как на социальный институт, но также на научное сообщество и индивидуальных исследователей.

Для решения таких проблем стоит, как минимум, объединиться философам и историкам науки (в качестве экспертов и источников знания о прошлом в развитии научного сообщества), специалистам гуманитарных (в том числе, в качестве медиаторов и коммуникаторов) и естественных наук для разработки программы и развития диалога как внутри так и вне научного сообщества.

Идеи для этого диалога, я убежден, стоит искать и в настоящем, и в прошлом, обращая внимание на то, как профессиональное сообщество ученых исторически справлялось с вызовами своего времени, и как соотносятся те вызовы с вызовами современными.

Диалог этот будет требовать как высокого уровня организации научного сообщества, так и грамотно организованной смены кадров, которая будет необходимо постольку, поскольку не вечен и человек. А

уже существование такого диалога и профессионального сообщества, готового поддерживать своих участников, возможно, будет способствовать дальнейшей разработке фундаментальных научных и философских проблем.

Список литературы

1. Мусс А.И. Опыт концептуализации модели человека в когнитивной науке. Дисс. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2018.
2. Мусс, А. И. Необходимость VS. нормативность в истории и философии науки // Мир человека: нормативное измерение — 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: Сборник трудов международной научной конференции, Саратов, 07–09 июня 2021 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 186-196.
3. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.
4. Пирогов Н.И. Университетский вопрос. СПб.: Министерство народного просвещения, 1863.
5. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 2. Средневековье. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1995.
6. van Bommel B. Between "Bildung" and "Wissenschaft": The 19th-Century German Ideal of Scientific Education. Institut für Europäische Geschichte, 2015.

References

1. van Bommel, B. (2015). Between "Bildung" and "Wissenschaft": The 19th-Century German Ideal of Scientific Education. Institut für Europäische Geschichte.
2. Ortega y Gasset, J. (2019). Missiya universiteta [Mission of the University]. *Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki* (in Rus.).
3. Muss, A.I. (2018). The Conceptualisation of the Model of Human in Cognitive Science [Candidate of Philosophical Sciences dissertation, St. Petersburg State University]. https://disser.spbu.ru/files/2018/muss_disser.pdf
4. Muss, A.I. (2021). Neobkhodimost' VS. normativnost' v istorii i filosofii nauki [Necessity VS. normativity in the history and philosophy of science] in I.D. Nevvazhay et al. (Eds.) *Mir cheloveka: normativnoye izmereniye — 7.0. Problema obosnovaniya norm v razlichnykh perspektivakh: ot realizma do konstruktivizma i transtsendentalizma* (pp. 186-196). Proceedings of the international scientific conference. Saratov State Law Academy (in Rus.).
5. Pirogov, N.I. (1863). Universitetskiy vopros [The University Question]. *Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya*.
6. Reale J., Antiseri D. (1995). Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney [Western Philosophy from its Origins to the Present Day]. Vol. 2. Middle Ages. *Petropolis* (in Rus.).